

ISSN 0869-8732

ВЕСТНИК

РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ДРУЖБЫ НАРОДОВ

СЕРИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

- 10 лет Конституции Российской Федерации
- Государство и право России: история и современность
- Проблемы государства и права за рубежом
- Актуальные проблемы международного права
- Научные сообщения

№1, 2004

ИНСТИТУТ АТАЛЫЧЕСТВА У АБХАЗОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Ф.Г. Камкия

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия

В данной статье анализируется институт аталычества у абхазов в XIX—XX в.

Актуальность исследований в области традиционных типов правосознания в современных условиях связана с тем, что проблематика обычного права дает о себе знать в России и во многих других регионах бывшего Советского Союза, где нормы «неофициальных» систем обычного права оказываются достаточно действенными. И это обстоятельство нельзя не учитывать в современном законодотворчестве.

Одним из таких регионов бывшего Советского Союза является Абхазия, переживающая весьма сложный период своей истории. События конца XX в., война, послевоенные испытания показали, что в условиях неопределенности политической судьбы, в которой Абхазия пребывает 10-й год, общеправовые нормы довольно устойчивы и играют значительную роль в регулировании отношений между людьми. Этим обусловлен интерес к институтам обычного права абхазов.

Исследование юристов, изучающих правовые системы Азии и Африки, отличающихся значительным своеобразием, привели к выводу, что особенности мировосприятия в целом, наличие «своего» видения ситуации различными культурами так или иначе дают о себе знать при столкновении с процессами так называемого «осовременивания» (модернизации). Традиционное общество стремится всему новому придать «старые» или точнее — привычные смыслы, «уложить» их в традиционную картину мира и образ жизни. На это же обстоятельство обращает внимание Г.И. Муромцев: «В условиях ... следования традиционным правилам общественный прогресс понимается не как отрицание старого во имя нового, а как своеобразная привязка этого нового к древней традиции. Всякое новшество утверждается лишь при условии соответствия последней. Возникающее право также несет на себе отпечаток такого взгляда» [1].

В данной статье рассматривается институт аталычества, который выполнял, на наш взгляд, ряд интересных функций в абхазском сословно-дифференцированном обществе в XIX — начале XX века и подтверждает выявленную выше закономерность применительно к абхазскому обществу в данный период.

Согласно Ш.Д. Инал-ипа, сущность «...аталычества состоит в том, что ребенок, как правило, из привилегированного сословия, тотчас же или вскоре после рождения отдавался родителями на воспитание в чужую, обыкновенно крестьянскую семью, а последняя нередко также охотно принимала его и содержала со всем старанием в течение нескольких лет, иногда до совершеннолетия, когда воспитанника (ахупха — К.Ф.) торжественно возвращала в отчий дом» [2].

Институт аталычества рассматривался с позиций классового подхода как механизм «закабаления» привилегированной частью общества зависимых крестьян [2]. Однако выявление взаимности прав и обязанностей, устанавливаемых между сторонами в данном правоотношении, а также существование его задолго до формирова-

ния классовых отношений в регионе поставило под сомнение правильность данного вывода. Очевидно, данный институт возникает из необходимости для традиционного общества «привязать» новые отношения к привычным и устоявшимся, в данном случае дистанцию, возникающую между князьями как лицами привилегированного сословия с свободными общинниками, общество снимает установлением, но уже искусственно, отношений привычных — родственных. Данный институт выполнял, на наш взгляд, и более сложную функцию — функцию сохранения единства культуры, так как воспитанный в крестьянской среде князь оставался носителем взглядов и миропонимания абхазского, оставаясь частью ее, что в дальнейшем должно было стать основой его легитимного поведения как лица, наделенного властными полномочиями. В конечном счете устанавливаемые таким образом отношения придавали стабильность социальным отношениям.

Место и роль данного института в системе обычного права определяются также тем, что благодаря ему создаются достижительные статусы, призванные придать социальную динамику общественным отношениям в условиях статичной сословной дифференцированности общества. Распределение прав и обязанностей между сторонами в аталычестве становилось условием достижения согласования интересов политических, экономических, социальных, военных.

Слово «аталычество» тюркского происхождения: «аталык» значит воспитатель, однако термин «аталык» абхазам неизвестен, но в кавказоведческой литературе утвердилось название аталычество и употребление данного термина стало традицией, которую мы не будем нарушать, но при этом необходимо отметить, что в абхазском языке есть собственное название данного института — «аадзара», то есть воспитание.

Известно, что обычай аталычества был широко распространен не только на Кавказе. Я.С. Смирнова указывает на существование данного обычая у скандинавов, в Исландии, у кельтов в Ирландии и Уэльсе, у гойделов в Шотландии. Обычай отдавать ребенка на воспитание в другую семью у этих народов существовал еще в глубокой древности и сохранялся в течение всего периода средневековья. В Ирландии, особенно среди высших слоев общества, он существовал до середины, а в Шотландии — до конца XVIII столетия [3].

Я.С. Смирнова происхождение институтов искусственного родства, к числу которых относится и аталычество, объясняет следующим образом. В таких социальных организациях, как абхазское общество рассматриваемого периода сословно-классовые отношения не были единственной формой общественных отношений, кроме них «существовали отношения другого рода: соседские, кровнородственные, псевдородственные:

1. Особенность соседских отношений заключалась в их экономическом характере. Они регламентировали общинное землевладение или землепользование отдельных домохозяйств, а также социально-бытовые, предполагающие хозяйственную и общественную взаимопомощь и взаимоподдержку.

2. Однако с целью решения вопросов безопасности соседские отношения были недостаточными, посильной эта задача являлась для кровнородственных отношений, которые гарантировали взаимозащиту, вплоть до вооруженных форм. Как правило, обычнорправовые нормы, регулирующие отношения кровного родства, связывают теснее, чем соседство. Распределение прав и обязанностей между лицами, связанными кровными узами, являлись гарантией личной безопасности.

3. Там, где эти две формы социальных связей оказывались недостаточно эффективными для обеспечения безопасности, охраны личных и имущественных интересов, защиты жизни, чести и собственности, устанавливается иная форма — система искусственного родства, то есть еще одна линия социальных связей, обеспечивающая действенную материальную взаимопомощь и вооруженную взаимозащиту [3].

Абхазы довольно часто прибегали к данному институту, стремясь установить юридический факт искусственного родства как только представится для этого слу-

чай при тех или иных обрядах жизненного цикла и чрезвычайных жизненных ситуациях [3].

Отношения между воспитанником — ахупха и группой аталыка были шире таких, какие могли возникнуть из факта воспитания самого по себе, они не прекращались вместе с воспитанием, а сохранялись и проявлялись в разнообразных формах перехода по наследству. Эти отношения считались не ниже, а может быть даже выше, чем родственные, то есть обладали неким сакральным ореолом, преступить через которые считалось тяжким преступлением.

В соответствии с обычаем, к сторонам, устанавливающим данное отношение, предъявлялись следующие требования: воспитанник по сравнению с воспитателем стоял ступенью выше по социальному происхождению. Наиболее распространенным являлся случай, когда крестьяне, «точнее, так называемые «вольные», или «чистые», крестьяне, наряду со своими воспитывали детей дворян и князей, а также иногда детей лиц духовного звания, торговцев, и только в редких — крестьян. В среде «высшего» сословия являлось редкостью воспитание своих детей родителями. Нередко сами дворяне и даже князья выступали хотя бы по форме, в роли аталыков, то есть воспитывали детей сильных представителей своего же класса, имея целью обеспечить себе посредством такого «родственного» союза выгодную позицию»[2]. Князья и дворяне стремились воспитать кого-либо из членов владетельного дома, стараясь обеспечить себе более сильные позиции в социуме.

В случае, когда аталыками выступали князья и дворяне, жены последних кормили своей грудью воспитанника лишь в редких случаях. На необходимый период они приводили к себе крестьянок (в редких случаях — дворянок) в качестве фактических кормилиц, кормилиц второго порядка (абжьаазау), причем качество молока последних проверяли опытные женщины.

Так, дворяне воспитывали детей крупных князей и представителей владетельной фамилии, а последние в свою очередь, выступали иногда в роли аталыков детей представителей своего сословия и других владетелей. Исключение составлял владетельный дом, в котором никого не воспитывали в порядке аталычества.

Но эта схематическая градация определяет лишь в общих чертах те социальные круги, между которыми устанавливались отношения аталычества. На практике эти отношения возникали нередко и в пределах одной социальной группы, внутри которой менее сильные искали покровительства посредством аталычества со стороны более сильных, авторитетных представителей своего сословия.

Согласно действовавшим обычно-правовым нормам, представитель «высшего» сословия не всегда добровольно вступал в такие отношения, т.е. «бывал вынужден» в некоторых случаях выступать в роли аталыка по отношению к крестьянину. Такие ситуации имели место при возникновении кровной вражды. Если потерпевший крестьянин принадлежал к сильному роду или имел достаточно влиятельного покровителя, убийцу — будь он дворянин или даже князь — могли принудить принять на воспитание ребенка или усыновить кого-нибудь из родичей первого, поскольку молочное родство и усыновление считались надежным средством примирения врагов. Однако эти случаи были скорее исключением, нежели правилом.

В случаях кровной вражды институт аталычества мог выполнять примиренческую функцию. В целях примирения сторона убийцы иногда была вынуждена тайно брать ребенка у потерпевшей стороны. С того момента, как этот ребенок вкусил молоко из груди матери преступника или другой женщины, принадлежащей к его роду, кровная месть прекращалась. Стремясь примирить враждующих, старейшины, выполнявшие функцию народных судей, осуществляющих правосудие на основании обычно-правовых установлений, обращались к обеим враждующим сторонам, особенно к потерпевшей стороне со следующими словами: «Присуждаем вам то же, что присудили бы мы себе, если бы оказались в вашем положении! Внемлите голосу народной мудрости — слово народа справедливо, оно любую рану врачует! Сильнее нет силы, чем материнское молоко: пуля не пробьет и одной капли его!

Примите воспитание и примиритесь! И мы, весь народ, благодарные будем! Да сгинет отныне вражда между вами!» [2].

Институт аталычества мог стать средством сближения и снятия напряжения не только между семьями и родами, но и между большими сообществами. Примером этому является историческое примирение садзов и бзыбцев, произошедшее на территории современного Веселого¹. Собравшиеся представители двух народов решили привести туда с обеих сторон по 500 женщин с грудными детьми с целью их обмена. Вывели этих женщин на поляну с закрытыми темной повязкой глазами, стоя друг против друга по единому указанию они обменяли детей и также с закрытыми глазами они были выведены с поля. После чего в этом месте был устроен большой праздник, закрепивший факт установления взаимного воспитания и родственных отношений между народами со всеми вытекающими из этого обстоятельства юридическими последствиями. Это сблизило два сообщества находящиеся во враждебных отношениях, и отныне между ними установились братские отношения, распространившиеся на всех представителей указанных групп.

Между крестьянами также могли быть установлены отношения аталычества, но только в случае, если аталык относился к более низкой социальной категории, чем отец ребенка. А крестьянин, с которым желали породниться через аталычество, тоже обычно должен был стоять выше его воспитателей по своему экономическому и социальному положению, обладать большим социальным весом [2].

Иногда складывалась ситуация, когда на роль аталыка претендовали несколько семей. В таком случае родители имели право выбрать наиболее выгодного и достойного из претендентов для воспитания ребенка. Однако, обычно родители будущего ахупха давали свое согласие тем, кто первым обратился к ним, но при этом в учет в любом случае бралось материальное положение лица, претендовавшего на роль аталыка. Уровень благосостояния будущего аталыка должен был быть таким, чтобы родителей ахупха не беспокоили условия жизни их ребенка в семье аталыка.

Таким образом, отношения аталычества устанавливались преимущественно по доброй воле. Об этом свидетельствует также тот факт, что сильные, не нуждающиеся в поддержке зажиточные крестьяне, входящие в сильный род, избегали установления дополнительного родства.

Все члены группы аталыка вместе с ним считали себя воспитателями данного лица. Об этом свидетельствует тот факт, что не только непосредственные воспитатели, но нередко и весь их род клялся именем своего воспитанника. Это была священная и нерушимая клятва.

Обычное право Абхазии ограничивало круг лиц, между которыми могли возникнуть аталыческие узы. Отношения аталычества не могли устанавливаться между лицами, находящимися в родственных отношениях. Родичам и вообще родственникам детей на воспитание, как правило, не отдавали, в том числе и родственникам по материнской линии. В соответствии с духом древнего обычая воспитатель и воспитанник не должны были находиться в родственных отношениях, то есть должны были принадлежать различным родам и не состоять ни в каком родстве. Из чего следовало, что воспитателем мог стать совершенно посторонний человек. Однако эти требования обычая аталычества в более позднее время претерпели изменения в сторону некоторого смягчения с точки зрения субъектного состава: отношения аталычества могли устанавливаться среди родственников, но находящихся в определенной отдаленности.

Выше было отмечено что отношения аталычества устанавливали родственные отношения не только с семьей аталыка, но и со всем его родом, и поэтому не последнее слово в этом вопросе было за ним. «Аталык не мог пренебрегать волею своего рода, и он, как правило, заранее советовался по этому поводу с виднейшими представителями

¹ В то время — равнинное место на берегу реки Псоу, пограничной ныне между Краснодарским краем РФ и Абхазией.

последнего как это обычно делалось и при решении других важных дел» [2].

Кроме того, обычное право предусматривало правило о том, что в случае воспитания одним аталыком второго ребенка из новой семьи, требовалось, чтобы родители как по происхождению, так и по «человечности» своей не уступали родителям первого ахупха. Для этого требовалось согласие семьи первого ахупха, которого в первую очередь обязана была добиваться семья нового воспитанника.

При выборе воспитанника играла роль не только знатность рода, высокое происхождение отца ребенка, но и материальное благосостояние, авторитет в обществе, могущественные связи. Вообще, эти критерии работали и при выборе воспитателя, в силу чего зажиточная крестьянская семья из сильного рода с уважаемым главой могла получить на воспитание ребенка из любой семьи. В частности, сохранились сведения о том, что несмотря на общее правило запрещающее воспитание детей из владетельного дома в крестьянской семье, самому многочисленному роду Квициния удалось добиться такого права. Глава семьи Хакуцв Квициния пользовался добрым именем и достойно явился в дом к князю Г. Чачба с богатыми подарками и соответствующим сопровождением, что послужило причиной уступки ему воспитания дочери князя.

Здесь наиболее убедительно просматривается предоставляемая обычным правом возможность преодоления статичных социальных отношений для наиболее мобильной, способной части социума.

Нормы обычного права устанавливали следующие порядок и способы заключения соглашения о воспитании ребенка между сторонами: переговоры о заключении родства начинались сразу после рождения ребенка, а иногда с того времени, как становился известным факт беременности жены князя или дворянина. Инициатива могла исходить как от претендентов на роль аталыка, так и родителей будущего воспитанника — ахупха. «Со дня объявления беременности княгини к ней каждый день приходят женщины с мужьями и, принося подарок — коз, барана, корову, лошадь или другие вещи, просят княгиню принять ее в качестве кормилицы» [4].

Достижение согласия относительно будущих аталыческих отношений облекались в соответствующую форму в частности, если соглашение состоялось еще до появления на свет ребенка, на руке или на ноге будущей матери завязывали красную ниточку, что символизировало занятость ребенка на предмет его воспитания.

Срок непосредственной передачи ребенка аталыку имели право установить родители ребенка. Иногда это происходило сразу после рождения, если все необходимое для этой цели было подготовлено. Акт передачи ребенка мог состояться спустя неделю или более после рождения. В течение указанного срока готовились подарки.

Передача ребенка воспитателям имела торжественный и публичный характер. В доме как у родителей, так и у воспитателя устраивался пир, на котором произносились тосты в честь родившегося, произносились молитвы перед верховным божеством Анцва, чтобы воспитание ребенка было благополучным, чтобы он даровал воспитаннику здоровье и счастливое будущее. После ответной речи со стороны аталыка и семикратных выстрелов происходила торжественная передача ребенка. При передаче ребенка родители обязаны были предоставить подарки кормилице, примерно следующее: люлька с комплектом детских вещей, медный котел, корыто для купанья ребенка, дойная корова или буйволица (если в этом была нужда), одежда для кормилицы и др. Соответственно, перечень этих преподношений мог варьироваться в зависимости от возможностей сторон.

Место, где будет осуществляться воспитание определялось соглашением сторон. По общему правилу воспитанника отправляли в дом к аталыку, но стороны могли договориться о том, что воспитание ахупха будет происходить в родительском доме. В этом случае кормилица сама переходила на обусловленное время к ребенку домой и, воспитывая маленького, оставалась там даже до нескольких лет. Бывали случаи, когда к влиятельным лицам приходили сразу две-три женщины — жены братьев, имевшие грудное молоко.

В случае, если реализации достигнутого соглашения препятствовали неподвижные обстоятельства и не удавалось ребенка передать на воспитание, то стороны все равно считались связанными узами аталычества. «Так, Д. Дзяпш-ипа хотели воспитать из рода Алтыба в селе Поквеша, но в это время распространилась какая-то заразная болезнь, что заставило их отказаться от взятия ребенка. И все же ребенка они считали своим ахупха. Когда умер отец мальчика, алтыбовцы пришли на оплакивание, принесли своему ахупха в подарок хорошее оружие. Когда уезжали, им подарили в ответ лошадь, которую приобрел покойный отец еще при жизни. Впоследствии, когда эпидемия улеглась, маленького все же забрали к себе на некоторое время» [2].

Как уже было отмечено выше, права и обязанности, возникающие из факта установления аталыческих отношений, носили взаимный характер: указания на это обстоятельство мы находим почти во всех источниках, несмотря на то, что в советский период этим отношениям явно придавался классовый характер, подразумевающий концентрацию обязанностей на одной стороне — на стороне крестьянской, преимущественно выступающей в качестве аталыка, а прав — на стороне сословно-привилегированной, то есть на стороне воспитанника. «В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: ахалашюю (покровитель — К.Ф.) увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под покровительством готовых во всякое время поддержать значение союза силою оружия, а хипшы (покровительствуемые — К.Ф.) в нравственном влиянии и той силе, какую располагали патроны для охранения безопасности каждого союза» [5].

В институте искусственного родства, в том числе аталычестве, содержание обычного правоотношения основано как на равенстве породнившихся лиц, так и их иерархическом соподчинении. Здесь принцип равенства обеспечивал децентрализованный, диспозитивный метод обычноправового регулирования, а принцип иерархического соподчинения — централизованный метод обычноправового регулирования, характеризующийся отношениями субординации. П.П. Зубов утверждал: «Весь народ адехе (адыгский — К.Ф.) связан между собой политическим родством, которое удерживает их от взаимных обид, сближает между собою для лучшего сопротивления внешним и внутренним врагам. Я разумею под сим принятием на воспитание младенцев и усыновление взрослых» [6].

Процесс воспитания считался делом особой важности, ибо от того, как будет обеспечиваться надлежащее воспитание, будет зависеть честь и слава семейства, всего рода воспитателя в конечном счете — статус. В силу этого обычным правом устанавливалась достаточно сложная система требований, о чем свидетельствует то обстоятельство, что во время кормления ребенка грудью кормилица даже избегала интимных отношений с мужем из опасения испортить молоко. Иными словами, все, что было связано с воспитанием ребенка как в материальном, так и в духовном аспекте, входило в обязанности аталыка и его родственной группы: еда, одежда, сон ребенка, постепенное приобщение его к различным навыкам трудовой и другой деятельности (прежде всего, речь идет о детально разработанном искусстве верховой езды, владения оружием), привитие ему традиционных, зачастую сложных обычно-правовых норм поведения в семье и обществе, в гостях и дома, перед людьми своего социального круга и в другой среде, среди сверстников или в чужом краю, выработка в нем таких «положительных душевных качеств» как скромность, благородство, честность, уважение к женщинам и старшим, смелость, храбрость, умение пользоваться оружием и т.п.

Существовал целый ряд требований и к персоне кормилицы: чтобы соответствовать своему назначению, она должна была обладать достаточным количеством хорошего грудного молока, то есть сама была кормящей матерью. В случае нехватки молока должна была отдать своего ребенка на период кормления кому-то из близких родственниц (посторонним или даже близким соседям поручать эту обязанность считалось недопустимым), чтобы кормление и заботы о нем не могли от-

рицательно сказаться на воспитаннике. В случае, если кормилица умирала или лишалась молока, то привлекали вторую кормилицу. Молоко, которым питался воспитанник — ахупха, должно было отличаться доброкачественностью, быть здоровым и питательным. Для установления качества молока проводилась специальная экспертиза: опытные женщины, выдавив из груди кормилицы несколько капель молока на ладонь, проверяли его густоту. По мере взросления начинали готовить для воспитанника особую пищу. Все это свидетельствует об особом отношении к процессу воспитания, закладывающих «высокопочитаемые» отношения между породнившимися таким образом группами.

Примечательно, что к воспитанию ахупха предъявлялись высокие требования независимо от того, юноша он или девушка. «При воспитании мальчика особое внимание обращалось на физическое развитие и красоту, знание полного кодекса правил поведения в обществе, благородство, искусство верховой езды, умение обращаться с оружием и безграничную храбрость» [7]. Сопоставим: «кормилица употребляет все меры к тому, чтобы княжна Е. имела крошечные ножки, тонкую талию, невысокую грудь, черные тоненькие брови, высокий и выпуклый лоб, длинные косы, прямой нос, здоровый цвет лица, прямую осанку, длинные пальцы и грациозные манеры с примесью легкого кокетства. Кроме того, княжна должна обучаться выделке матраца, приготовлению сукна для черкески и башлыка, тканью для белья, умению шить чувыки из сафьяна, шить белье, верхнюю одежду и вышивать различные узоры для украшения одежды или обуви». Но при этом «воспитание это не было бы полным, если бы княжну не выучили владеть как холодным, так и огнестрельным оружием, а также уменью управлять лошадью. В пляске и пении княжна должна быть неутомима...» [8].

Обязанности аталыка помимо воспитательных функций включали в себя необходимость осуществления регулярных приношений, то есть доставке членами «родственной» группы аталыка, особенно в определенные дни года — праздничные, торжественные — всевозможных «подарков» и преподношений родителям ахупха. Кроме того, аталык обязан был впоследствии после возвращения воспитанника к родителям щедро и богато принимать его и его гостей, независимо от того, на сколько времени и в каком количестве они пожалуют.

К аталыку члены семьи воспитанника могли обращаться за помощью в затруднительных случаях: в хозяйственной работе, в совершении кровомщения, в уплате долгов и штрафов, во время свадьбы, поминок и пр. При выходе замуж, например, воспитанницы воспитатель вкладывал существенную лепту в составление приданого.

К числу священных обязанностей, налагаемых на обе стороны фактом воспитания, относилась взаимная защита чести².

Необходимо отметить, что рассматриваемый период — XIX — начало XX вв. в Абхазии отличался нестабильностью, а потому институт аталычества, предоставляющий определенные гарантии безопасности, был востребован, так как обычаем возлагал на стороны и их родственные группы роль «действительного защитника». М.Т. Джанашвили отмечал: «Воспитанник обязан защищать интересы своих воспитателей, то есть той фамилии, член которой воспитал его. Он обязан, например, разыскивать потерянную вещь воспитателей, находить вора и взыскивать с него, и большой будет срам, если он не сумеет этого сделать. Точно так же, если его воспитателей обидит кто-нибудь и они, по слабости, не могут отплатить обидчику, то за них должен заступиться их воспитанник» [9].

В число обязанностей воспитанника — ахупха входили и расходы по похоро-

² Известен, например, случай, когда дочь владельца Абхазии забеременела от Г. Чачба, который, чтобы скрыть следы своего преступления, дал яд и убил свою жертву. Тогда воспитатель девушки, известный дворянин Хасан Маан, во главе сильного отряда из джигитов, напал и разорил тамышские и атарские владения Г. Чачба, а сам в продолжении 40 суток не отходил от могилы своей воспитанницы, преданной земле в Моквинском монастыре.

нам умерших воспитателей и распоряжение погребением. В случае смерти кормилицы или ее мужа, воспитанник обязан был заказать за свой счет гроб хорошего качества и погребальный саван. В некоторых местах, в случае смерти кормилицы, воспитанник приносил специальное золотое или серебряное украшение в форме женской груди, изнутри отделанной шелковой материей, со специальной цепочкой, одевающейся на шею: похоронить с золоченой грудью значило проявить уважение и понимание своего долга перед приемной матерью.

Воспитанник обязан был почитать не только своих воспитателей, но и всю группу аталыка, в частности, оказывать материальную и моральную поддержку в надлежащей форме в горе или радости.

Если родство по аталычеству начинало забываться, то отношения можно было возобновить, взяв на воспитание кого-нибудь из той же родственной группы. Обычай поощрял это правило объяснением: «Как и все, родство также подвержено старению, если его не обновлять». Некоторые крестьянские фамилии из поколения в поколение являлись аталыками определенных лиц, считались как бы потомственными воспитателями только данной семьи или рода.

Родители отданного на воспитание ребенка не имели права посещать его около года, а в некоторых случаях и более года. Особенно это ограничение касалось отца, в меньшей мере — мать, которая могла навещать изредка своего ребенка по истечении некоторого периода. Однако они имели возможность проверить состояние ребенка и отношение к нему «чужой семьи» через близких, которые навещали аталыка и ахупха. В случае ненадлежащего исполнения своих обязательств по воспитанию, родители воспитанника имели право разорвать узы аталыческих отношений, что считалось позором для семьи аталыка, следовательно, выключение из числа достойных и уважаемых в народе людей, точнее значительным понижением его социального статуса.

Реализация права на возвращение воспитанника родителям предусматривала правила процедуры, которые протекали в два этапа. Первое — «показное» возвращение имело место примерно через год-два после взятия, обычно по истечении срока грудного кормления или через 7-8 лет, а окончательное — значительно позже, в 13-16 лет или лишь при достижении совершеннолетия. Срок этот зачастую зависел от того, когда воспитанник мог самостоятельно въехать во двор к отцу на скакуне³. В рассматриваемый период этот срок имел тенденцию сокращаться, и обычной становилась ситуация, при которой воспитанника возвращали родителям после окончания грудного кормления, то есть через год-два.

Как в первом, так и во втором случае родители ребенка устраивали воспитателям пир, при этом стороны обменивались подарками.

Семья аталыка начинала готовиться к дню возвращения задолго до этого дня: готовила новую праздничную одежду для воспитанника из возможно лучших материалов, ездила в далекие края, славившиеся производством подходящих к случаю предметов заказывали костюм или отдельные его части известным портным или местным мастерам, покупали такие вещи как женское седло, драгоценные образцы кавказских поясов и кинжалов в золотой оправе и т.п. [2]. Кроме того, воспитатель дарил коня с седлом (если девочка, то с женским седлом).

Источники сообщают, что в некоторых случаях воспитанника одаривали «человеком», который призван был сопровождать всюду воспитанника, служить ему. Иногда кроме такого человека воспитанника сопровождал «гандал» — один из молочных братьев из числа группы аталыка который сопровождал ахупха в различных походах, служивал ему. Разумеется, такие подарки имели место при достаточной состоятельности аталыка и его желании отличиться.

Кроме того, сторона воспитателя брала с собой разные приношения родителям ребенка, в частности, это животные (быков, баранов каплунов) на заклятие, напитки

³ Абхазские дети обучались езде в 6-7 лет.

ки — вино, множество других продуктов. Обычно при этом помощь оказывали многочисленные родственники, наиболее почетные из которых сопровождали их.

Родители воспитанника также тщательно готовились к этому дню заготавливали продукты для торжественного стола и солидные подарки для воспитателя и членов его семьи. Если родители не могли достойным образом отблагодарить воспитателя, то они многое теряли в общественном мнении.

Ненадлежащее исполнение своих обязательств, налагаемых фактом установления квазиродственных отношений в форме аталычества влекло за собой наступление соответствующих неблагоприятных последствий прежде всего сторона теряла в своем общественном весе и престиже, нанося серьезный ущерб по престижу всего рода. Однако, надо отметить, что отступления от этих правил было крайне редким явлением, о чем свидетельствует отсутствие упоминаний о такого рода фактах в источниках.

Таким образом, устанавливая квазиродственную связь с другим лицом, индивид укреплял новые или ослабевшие узы взаимопомощи или взаимозащиты, укреплял свое положение в общине, престиж.

Присоединение Абхазии к России в начале XIX века усилило влияние православной культуры, что в частности, выразилось в распространении обычая крещения. При этом характерно, что обычай крещения, связанный с догматами христианской религии, все более заменял собой древнюю практику усыновления. Для выражения родственных отношений по крещению в народе продолжали употреблять привычную терминологию из практики аталычества, а именно крестный отец и мать именовались все тем же словом, каким назывался воспитанник — ахупха. Только теперь, стремясь иметь покровителя крестьяне добивались, чтобы их детей крестили представители привилегированного сословия из состоятельных слоев общества, при чем отношения и обязанности между соответствующими семьями оставались теми же, как и при аталычестве. В такой же форме — форме крещения этот обычай встречается и сегодня в Абхазии, но в права и обязанности сторон время внесло некоторые коррективы. Стороны по-прежнему поддерживают друг друга в торжественных и горестных ситуациях, оказывая посильную помощь.

Правила поведения в институте аталычества обладают такими признаками как основанность на рациональных началах и нацеленность на расширение социального пространства. Кровнородственные узы в определенных ситуациях становятся недостаточными в силу узости и локальной замкнутости для обеспечения стабильности в социуме и безопасности индивида. Поэтому правила поведения, регулирующие отношения аталычества, обладающие несомненно рациональной мотивацией, ориентированы на расширение социального целого посредством выхода на уровень межродовых, межплеменных отношений на взаимовыгодной основе, в силу чего уменьшается доля личностного (оценочного) момента. Указанные свойства в совокупности определяют значение данного института в социальном регулировании в рассматриваемый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муромцев Г.И. О некоторых особенностях традиционного права в развивающихся странах Азии и Африки // Государство и право. 1989. №6. С. 96.
2. Инал-ипа Ш.Д. Труды. Сухуми. — Алашара, 1988. С. 53.
3. Смирнова Я.С. Искуственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // Кавказский этнографический сборник. - IX. — М., 1989.
4. Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазцев // СМОМПК. Вып. IV. — Тифлис, 1884. С. 53.
5. Антелава И.Г., Дзидзария Г.А., Олонецкий А.А. Из истории крестьянской реформы в Абхазии // Исторический архив. - кн. 5. 1950. С. 403.
6. Зубов П.П. Народонаселение, вера, нравы, обычаи и управление закубанских

черкесов // Санкт-петербургские ведомости. 1835. № 65.

7. Кипиани Л. Сухумские силуэты. Эсмаханум. 2. Воспитание // Сухумский вестник. 4 июня 1916. № 120. С. 3.

8. Джрданашивили М. Абхазия и Абхазцы. — Тбилиси, 1927. С. 19.

INSTITUTE OF ATALYTCHESTVO IN ABKHAZS AT XIX - XX CC.

F.G. Kamkya

The Department of Theory and History of State and Law

Russian Peoples' Friendship University

Miklukho-Maklaya str., 6, 117198 Moscow, Russia

In this article the institute of atalytchestvo in abkhazs at XIX — XX cc. is being analyzed.